

„Я верю, что многие из вас будут свидетелями первого заатмосферного путешествия“ (К. Циолковский)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЮЗНИТСЯ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 121 (3777)

Вторник, 8 октября 1957 г.

Цена 40 коп.

Рис. П. Шульгина

КРАСНАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Красная звездочка — Доброго спутника
вот она, вот она вижу сияние,
мчится и светится на небосводе, слышу идущие с неба
В лабораториях наших сработана, Можешь загадывать смело
Собрана где-то на нашем заводе. Можешь поверить
нашей звездочке алой! Е. ДОЛМАТОВСКИЙ

ЧУВСТВО ТОРЖЕСТВА

Я ИСПЫТЫВАЮ какое-то особое чувство торжества и гордости оттого, что именно у нас запущен искусственный спутник Земли, у нас родился этот первый в мире «сжиленный ребенок». От всей души приветствую маленького космического первенца советской науки и, особенно, конечно, — его «родителей» и творцов, наших замечательных ученых и конструкторов!

Ольга ФОРШ

СЧАСТЛИВЫ, ЧТО ЖИВЕМ В ТАКИЕ ДНИ

ЗАПУСК искусственного спутника за пределы сфер земного шара переполняет мое сердце безграничным ликованием и гордостью за советскую науку и за величие человеческого гения вообще. Советская наука, много раз удивлявшая мир своими чудесными достижениями, этим, последним завоевала величайший, всемирный, бесподобный рекорд. Мы счастливы, что живем в такие дни.

Ав. ИСААКИН

БОЛЬШОЕ СПАСИБО, РОДНЫЕ!

ДОРОГИЕ наши ученые, инженеры, техники, рабочие — все, кто создавал искусственный спутник Земли! Примите от меня, простой русской женщины, низкий поклон за ваш неоценимый труд. Очень я довольна и горда тем, что мы первые отправили посланца в глубины неба, что СССР опередил в этом Америку.

Е. ВАСИЛЬЕВА,
Герой Социалистического Труда,
бригадир сборщиц ленинградского завода «Красная заря»

Победа разума

ЗАПУЩЕН первый искусственный спутник Земли. Его создали советские ученые, рабочие, инженеры на сороковом году существования своей страны и преподнесли всему человечеству этот чудесный, реальный подарок. Это — торжество советской передовой науки, торжество нашей социалистической системы, позволившей полностью раскрыть человеческий разум для самых великих свершений.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

ВПЕРЕДИ ВСЕХ

В МЕСТЕ со всеми советскими людьми я восхищен новой победой наших ученых. Запуск искусственного спутника Земли еще раз показывает, что советская наука идет впереди науки капиталистического мира.

Т. ЛИПАТОВ,
заместитель командира крейсера «Аврора»,
Герой Социалистического Труда

Праздник науки

КОЛОССАЛЬНОЕ значение нового дерзновенного научного эксперимента советских людей трудно переоценить. Весь мир, все человечество следит за искусственным телом, смело ворвавшимся в космические пространства, — этот факт знаменует собой новую эру в развитии науки и техники. Недавно мы радовались первым полетам реактивного воздушного корабля «Ту-104», от всей души приветствовали сообщение об успешном испытании межконтинентальной баллистической ракеты. Сегодня у нас новый праздник, новый успех, новая радость.

Любомир ДМИТЕРКО

ЧУДЕСНЫЙ ПОДАРОК

В ЮБИЛЕЙНОМ году мы достигли громадных успехов. И вот еще одно радостное событие, еще один чудесный подарок Родине — полет первого в мире искусственного спутника Земли. Это — величайшее достижение наших ученых и конструкторов, большая победа нашего рабочего класса. Это — грандиозный успех всего нашего народа, всех советских людей, которые самоотверженно трудятся на благо Родины, обеспечивая своим трудом возможность широкого фронта вести научно-исследовательские работы.

В. СЕМИНСКИЙ,
токарь киевского завода «Красный энкаватор»

ВЫСОТА ЗНАНИЙ

Мы, ученые-физики, гордимся исторической победой своих коллег. Сведения, полученные с помощью спутника, проливают яркий свет на ряд важнейших проблем физики, геофизики, астрономии и других наук, в частности космонавтики. Небольшой шар искусственного спутника до отказа заполнен многочисленными приборами. В нем — спутник новейших открытий и достижений самой передовой науки и техники. Это — первый реальный шаг к победе над земным тяготением, ключ к дверям в Космос, которые так долго были закрыты. Теперь уже всем ясно, что мы вступили на порог осуществления заветной мечты человечества — полета в межпланетное пространство.

Ф. И. ФЕДОРОВ,
профессор, доктор технических наук

МЫ ВИДИМ СПУТНИК

РЕПОРТАЖ С БОРТА САМОЛЕТА

КАК УВИДЕТЬ спутник собственными глазами и рассказать о нем читателям? В Москве в эти дни стояла северная погода: частый мелкий дождь, сплошная низкая облачность. Остается одно — подняться в воздух на самолете.

Аэропорт Внуково. Раннее утро 6 октября. Командиры корабля, на котором нам предстоит лететь, А. Левин и Ф. Чернасов идут к «ЛИ-2». Вместе с ними, с бортмехаником Ф. Маяковым, бортрадистом В. Кондрашовым, бортгазрологом И. Соколовым и врачом И. Ашкнази направляемся к самолету. Короткий разбег, и «ЛИ-2» № 4909 поднимается в воздух. Высота 5 000 метров. Надаем кислородные маски. Высота 6 400 — она кабины покрыты ледяью. За окном — 34° мороза.

Звезды зовут, милают, манят, рассыпаны щедрой горстью. К земному спутнику сердце меня уносит с космической скоростью. Мы к скорости этой за 40 лет приучены жизнью всей.

Вперед, обгоняя звездный свет, выходит СССР. Со школьным почтением, тихо дыша, в едином ученом братании за нами следят ученые США, Франции и Британии.

Специальные корреспонденты «Литературной газеты» Л. Лиходеев и О. Опарин поднялись на «летающей обсерватории» — самолете-зондировщике в субстратосферу и наблюдали движение искусственного спутника Земли.

Самолет изменил курс, и спутник исчез. Пилот снова кладет машину курсом на восток. Горизонт окрашен полосой восхода. И снова видим звездочку-спутник. Он уже не на горизонте, а в чистом голубом небе.

В 6.50 в эфире слышны четкие сигналы искусственного спутника Земли. Он летит над Москвой. Сигналы, удаляясь, постепенно затихают...

О. ОПАРИН

На альтиметре уже 6 750 метров. В кабину бегает радист В. Кондрашов.

— Спутник перед нами! — Сообщает он.

Прямо по курсу на горизонте в красновато-оранжевой полосе восхода, над облаками, возносится звездочка — спутник. Он поднимается высь...

Самолет изменил курс, и спутник исчез. Пилот снова кладет машину курсом на восток. Горизонт окрашен полосой восхода. И снова видим звездочку-спутник. Он уже не на горизонте, а в чистом голубом небе.

О. ОПАРИН

В Доме-музее К. Э. Циолковского

В КАЛУГЕ, на тихой улице, крутым косягом спускающейся к Оке, стоит небольшой деревянный дом, к которому в эти дни обращены взоры всего мира. В нем три десятилетия жил и работал К. Э. Циолковский. Здесь, в тиши своего скромного рабочего кабинета, ученый разрабатывал идеи, возмещение этой эропланов реактивных; у этой мерсиновой лампы, и ныне стоящей на старом письменном столе, окруженной этими книгами, сидел Циолковский над чертежами ракет, которые, он не сомневался, непременно полетят с Земли к далеким мирам.

И вот сделан первый шаг во Вселенную. Изумленное человечество воочию видит, как страстная мечта русского ученого становится явью, реальной действительностью: искусственный спутник создан.

В старом калужском доме на улице, носящей имя ученого, в эти дни движется несомненный поток людей. Здесь и калужане, пришедшие поклониться своему великому земляку. Идут сюда и приезжающие со всех концов страны.

Тихо, будто опасаясь нарушить покой этого святыни мысли, поднимаются посетители по высоким де-

ревянним ступеням лестницы в кабинет ученого, долго задерживаются у стоящего на книжном шкафу, проходят на застекленную веранду, которая служила Циолковскому мастерской.

В нижнем помещении дома посетители с особым вниманием рассматривают модели ракет Циолковского, в которых заложены все основные элементы современных реактивных двигателей.

В эти дни в Доме-музее К. Э. Циолковского побывало около трех тысяч человек.

КАЛУГА (Наш спец. корр.).

ШТУРМ КОСМОСА

Е. РЯБИЧКОВ

сто металлический шар, не просто научные приборы, передатчики и «запоминающий механизм», не просто «летающая обсерватория», для нас спутник — это большая и долгая повесть о мучительных поисках и открытиях, о сгинувшей трагической власти зла и насилья над разумом, о торжестве гения в мире свободы и счастья.

Сорок лет назад залп «Авроры» возвестил народам и странам о рождении нового мира, новых отношений между людьми, о раскрепощении мысли. До громового залпа легендарной «Авроры» нынче, деревянная Россия годами месила лязговыми лаптями грязь разбитых дорог, миллионы обездоленных крестьян ютились под соломенными крышами и редко кто знал из них керосиновую лампу; деревня жила при свете чащей смоляной лучины. Часы заменяла петушиный крик. Трамота в деревне и горюх для многих ограничивались тиснением пальца или крестом на бумаге. Нужно ли удивляться, что в стране дерева и соломы, где кусок железа был редкостью, странной и непонятной казалась для власти именуемых дерзновенных мечтателей Циолковского, выношенная им в калужской глуши, безумной неслепотой представлявшая им идея ракет и искусственных спутников Земли, Луны и Солнца.

Но был в России человек, страстно призывавший к мечте, девятилетний в любовный мечту, почитавший ее за первейший дар, за главное качество Человека, — Ленин. У подножия Саая, в сибирской долине, в шумешной ссылке Ленин мечтал о партии, единственно могущей возглавить победоносную революцию. Только партия рабочего класса способна перевернуть старую Россию и весь мир. Только партия может сорвать оковы и вывести человечество в светлое, свободное будущее. Только партия! Есть такая партия! Есть великая, животворящая сила, преобразившая огромную страну, сделавшая ее металлической, подымавшая новые города и отстраивавшая

ЕЩЕ ПОЛЕТИМ...

Мы еще полетим... Это сказано было в Калуге. Мы и вправду придем до отправки за десять минут. На прощание обняв, нам платками помажут подруги, И радист усмехнется, Земле посылая салют. Мы еще полетим... Мы ведь люди особого склада: Мы умеем мечту с повседневным трудом сочетать. Мы, вернувшись, охрипнем от лекций, стихов и докладов, Говоря обо всем, что в полете пришлось повиждать. Мы расскажем о том, что Вселенная наша прекрасна, Что похожи на сказку открытые нами пути. Но мы все же заявим решительно, твердо и ясно, Что планеты такой, как Земля, нам нигде, никогда не найдем.

Мы еще полетим... Как же может случиться иначе? Ведь еще Циолковский всевозвезд говорил о таком. И на картах — я знаю — мы Землю тогда обозначим, Как столицу Вселенной, внушительным красным кружком!

Леонид ХАУСТОВ

С НОВОЙ ЭРОЙ!

Я СЛЫШУ его голос: — У... у... у... Глухой от усредоточенности, от занятости, деловитый, торопящийся. Мысль, что он работает там, наверху, на невозможной высоте, где уже нет почти ничего земного, меня не оставляет. Случилось что-то не только в науке, не только в пространстве. Нечто кардинальное произошло в моей голове, как и в головах всех. Объяснить это невозможно публицистически, в терминах науки, это случается потом в искусстве, поскольку именно искусство и призвано отобразить картину внутреннего мира человека. Эта картина стала иной отнюдь не только в том смысле, что мы видим вокруг нашей планеты снующую точку, обволакивающую земной шар коконом своих траекторий: все на земле мы чувствуем уже по-другому — и осенний ветер, треплющий деревья, и шум моря, и звезды между розовых облаков над Москвой. Это по-прежнему находится на земле, но мы уже видим это отсюда — с космической точки...

Спутник — вот пункт, откуда видать сразу все страны, все народы. И так невольно думать, что там, внизу, на девятидесятикилометровой высоте, как-то господода готовятся взорвать и уничтожить все, созданное людьми, все, что держит этот маленький шар на такой высоте, все, что позволило человечеству так высоко подняться.

Да, мы высунились из планеты, проклинувшись сньюз материнскую скорлупу атмосферы. Кто же спорит — и до сих пор шли процессы важнейшие, сложные, интереснейшие. Но они были подготовкой к дальнейшему, и оно наступает.

Не случаен приоритет, который сейчас завоевала социалистическая страна. Наступление эры коммунизма связано с наступлением эры Космоса. И то, и другое возникло у нас.

Это радостно видеть, но еще радостнее знать, что это будет у всех.

«...По-видимому, нашим современникам суждено быть свидетелями того, как освобожденный и сознательный труд людей нового, социалистического общества делает реальностью самые дерзновенные мечты человечества».

(Из Сообщения ТАСС)

ШТУРМ КОСМОСА

цу. Книга Герберта Уэллса «Россия во мгле» свидетельствует о том, что писатель, смело посылавший своих литературных героев на Луну, создавший в своем воображении машину времени, так и не поверил Ленину.

По машине времени делала свое дело. По подготовке инженерных кадров Советский Союз ныне занимает первое место в мире.

Реактивный пассажирский лайнер «ТУ-104», недавно явившийся в Лондон и Нью-Йорк, ошеломил англичан и американцев. В то же самое время, когда «стрела стратосферы» промчалась через океан, в Америке и Англии писали и говорили о чудесном советском турбореактивном двигателе на производстве которого теперь приобретает американская нефтяная компания. Американцы, англичане и весь мир обождали тогда же ошеломляющую сенсацию — в Советском Союзе была запущена первая в мире межконтинентальная баллистическая ракета. И вот новая, всех поразившая сенсация — советские люди первыми в мире запустили искусственный спутник Земли.

Факты, только факты. Они утверждают, как был прав Ленин в своей вере в партию, в народ и как жестоко ошибся в своих сомнениях буржуазный писатель-фантаст. Мал, очень мал первый спутник. Но люди уже научились видеть большее в малом. Сопоставим сегодняшний паровоз с его прототипом — «паровой машиной» Чрепановых, сравним современный самолет с «летающей» Можайской, сведем вместе первый в мире радиопередатчик — «грозоотверждающую свечу» Яблочкова со слепящими электрическими лампами наших дней — и мы осязали, как из зернышка открыты вырастали со временем чудеса техники. Так и сейчас — металлическое «зернышко» диаметром 58 см и весом 83,6 килограмма открывает новую эпоху в истории человечества, делает осязанным, близким и реальным полет человека в Космос, его рейсы на другие планеты, создание целых «небесных островов».

Ни Чрепановы, ни Можайский, ни Попов, ни Яблочков, ни Циолковский не могли до конца осуществить в старой России свои гениальные открытия. Паровоз и самолет, радиоприемник и даже электрические лампы — все возила царская Россия из-за границы. Неизвестные князья глумились над ракетой и спутником Земли Циолковского.

Трагедия национального гения была в том, что выдающиеся, крупнейшие изобретения лежали под спудом, первооткрыватели презирали, мечта их дулилась, а сами они мучались и терзались.

И как раскрылись, как умножились и расцвели народные дарования в условиях советского строя, в социалистическом обществе, когда партия призвала советских людей творить и дерзать, открыла их и повела на подвиги! И как грандиозен результат коллективных усилий наших ученых и инженеров по сравнению с мелкими треволнениями «устаревшего типа» Лопаткина из романа «Не хлебом единым»!

Чем меньше остается времени до великого праздника — сорокалетия Советской власти, тем больше трудовых побед в нашем Отечестве. Алтай порадовал урожаем пшеницы. Строители величайшей гидроэлектростанции в Жигулях пускают одну за другой последние турбины. Перезрыт в диках горах под Бухтармой Иртыш. Пробурена рекордной скоростью самая глубокая нефтяная скважина в Татарии. Зажигаются огни многих городов, заводов и строек. Гостеприимно открываются двери поразительно быстро выросших жилых домов. Ракетный корабль «ТУ-104» установил добрую ложжину мировых рекордов. А сейчас мчится над всем миром юный спутник Земли, предвещаая все новые и новые творческие успехи советского гения.

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ!

Интеллигенция Грузии обсуждает выступления Н. С. Хрущева

В ТБИЛИСИ состоялось республиканское совещание работников литературы и искусства. С докладом «О состоянии и очередных задачах грузинской литературы и искусства» выступил кандидат в члены Президиума ЦК КПСС первый секретарь ЦК КП Грузии В. Мжаванадзе.

Коммунистическая партия высоко ценит большую роль советской литературы и искусства в воспитании нового человека, в укреплении морально-политического единства советского общества, в борьбе за построение коммунизма, — сказал докладчик. — Об этом свидетельствует вся политика нашей партии, лучшее тому подтверждение — задачи, поставленные перед писателями и работниками искусства историческим ХУ съездом КПСС. Выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» являются боевой программой для всех писателей и деятелей культуры. В этом документе освещены и разъяснены многие проблемы, в которые за последнее время было внесено немало пунктов.

Боевой пафос утверждения средствами литературы и искусства новой, социалистической действительности — вот чем должны руководствоваться деятели культурного фронта. Но было бы ошибкой, попыткой с негодными средствами утверждать, что тем самым партия призывает якобы к одностороннему изображению жизни, затуханию недостатков. Коммунист не может обзавестись в боязни критики, в стремлении замазывать, скрывать недостатки. Вся политика коммунистической партии — ярчайшее тому свидетельство. Духом смелой и прямой критики и самокритики была пронизана вся работа XX съезда партии. Критическим, но вместе с тем конструктивным, сознательным духом пронизаны все последние решения партии в области сельского хозяйства и промышленности, в области управления народным хозяйством. Но как эти решения отличаются от критиканства обанкротившихся участников антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, которые брехали на поводу каждого нашего нового шага вперед!

Большое значение имеет высказанная Н. С. Хрущевым мысль о неразрывной связи партийности и народности литературы и искусства в нашей стране, о том, что нельзя противопоставлять понятия партийности и народности.

В единой семье работников культуры национальных республик, — отметил далее В. Мжаванадзе, — успешно трудятся грузинские писатели и деятели искусства. Мы уверены, что стихи наших замечательных поэтов Г. Табидзе, Г. Леонидзе, Д. Гулиа, И. Абашидзе, С. Чиковани, И. Гришашвили, А. Мирзехулава, Г. Абашидзе, И. Нонешвили, Р. Асаева, Гафеза, Ф. Халваши и других достойно прозвучат со всевозможной творческой трибуны в дни декады литературы и искусства Грузии в Москве в марте будущего года.

Появившиеся за последнее время романы «Семья Гвиргидлиани» Ш. Дадиани, «Человек гор» Л. Киацели (новая редакция), «Цветные лозы» К. Гамсахурдиа, «Перелазы» А. Белашавили, «На Алазани» Т. Джамашвили, «Вдова солдата» Р. Джарларидзе, «Плотина» О. Чхеидзе, «Верность» И. Лисашивили, «Лидцем в лицо» А. Бутати, «Новый горизонт» Л. Авалиани говорят о том, что наши прозаики поедут на декаду не с пустыми руками. Мы с гордостью можем сказать, что лучшие произведения наших писателей переведены на русский и другие языки народов Советского Союза и приобрели широкую известность за рубежом.

Однако это не дает нам права считать, что на нашем литературном фронте все в порядке, что мимовола пора острой идеологической борьбы. Нельзя не сказать о неверных тенденциях в творчестве отдельных писателей — об уходе в сторону негативного изображения жизни, о стремлении к показу только тевеных сторон, отрицательных явлений действительности. Некоторые творческие работники проявляют склонность к односторонней обличительности, теряя при этом главную перспективу, забывая об основной тенденции развития нашего общества. Этим и объясняется, что в прозаических и драматургических произведениях некоторых писателей

появилась целая галерея уродец, негодяев, приспособленцев, жуликов. К числу произведений, в которых проявились подобные тенденции, относятся, например, пьеса В. Габескири «У пропасти». Были сделаны попытки разъяснить автору его заблуждения, но он не прислушался к дружеским советам. В его новой пьесе «Заснеженные горы Гурии» лишь усугублены прежние ошибки.

С другой стороны, продолжал тов. Мжаванадзе, мало еще у нас произведений, где бы с подлинно писательской зоркостью подмечались и подвергались гневному обличительному воздействию отрицательные явления, мешающие советским людям жить и трудиться. В литературе и искусстве часто бесцветно и невыразительно рисуют и наших лучших людей, достойных героической песни. В большом долгу писатели перед молодежью, которая не находит в книгах ответов на многие волнующие вопросы жизни, а молодежь хочет найти в них пример и образец для подражания, найти свой идеал. В нашей поэзии в последние годы появились нездоровые нотки безыдейности и пессимизма. Если бы наши критики и литературоведы дали откровенный ответ, то это пошло бы только на пользу грузинской поэзии. Но беда в том, что наша литературная критика все еще плетется в хвосте литературных событий. Критики редко выступают со статьями по важным, насущным вопросам. Печатный орган грузинских писателей — «Литературная газета» — стоит в стороне от многих актуальных проблем литературы.

Далее тов. Мжаванадзе говорит о развитии грузинского советского театрального искусства. Двадцать театров Грузии, в которых трудятся свыше тысячи творческих работников, создали за годы Советской власти немало спектаклей, достойных уважения народа и его высокого признания. Однако, радуясь успехам театрального искусства нашей республики, не замечая и не игнорируя этих успехов, мы должны признать, что у нас еще немало недостатков.

Министерство культуры республики и управление по делам искусств совершенно потеряли контроль над репертуарной политикой и своим неумением фактически, вопреки или вопреки, способствуют насаждению культуры. Выполнив директивы партии и правительства о резком увеличении выпуска художественных фильмов, киностудия «Грузияфильм» значительно увеличила производство художественных кинокартин. Но не все фильмы стоят на высоком уровне. Союз писателей Грузии все еще слабо помогает киностудии в подготовке высококачественных сценариев.

Тов. Мжаванадзе характеризует далее грузинское советское музыкальное искусство, которое заслужило высокую оценку широкой советской общественности.

В докладе большое внимание было уделено работе художников Грузии. Их коллектив накопил богатый опыт, создал произведения, которые заслуженно причислены к лучшим достижениям советского изобразительного искусства. — Успех творческой работы наших писателей, композиторов, художников, деятелей литературы и искусства, — сказал в заключение тов. Мжаванадзе, — во многом зависит от партийного руководства. Это обязывает партийные организации творческих союзов повседневное, глубоко заниматься идейным воспитанием нашей творческой интеллигенции, вооружая ее марксистско-ленинской теорией — правильным пониманием политики партии. Между тем работа многих партийных организаций творческих союзов республик поставлена слабо, в них отсутствует принципиальная критика и самокритика, они нередко занимаются не своим делом, оставляя в стороне важнейшие вопросы развития литературы и искусства.

Секретарь правления Союза писателей Грузии С. Чилая рассказал о том, как готовятся писатели к сорокалетию Октября и к декаде грузинской литературы и искусства, какие новые книги грузинских авторов получат скоро читатель. С. Чилая отметил, что отклонения некоторых литераторов от генеральной линии советской литературы — прямое следствие незнания ими жизни, слабой связи с народом.

Подготовке к декаде была посвя-

щена большая часть выступлений министра культуры республики А. Гуния. Однако его речь не удовлетворила участников совещания: очень уж походили выступления А. Гуния на сухой, официальный отчет о проделанной работе.

Секретарь Юго-Осетинского отделения Союза писателей Грузии Ф. Гагоев говорил о культурных достижениях своего народа. Он упрекал опытных грузинских литераторов в том, что они не оказывают должной творческой помощи своим юго-осетинским товарищам по перу.

Выступления Н. С. Хрущева по вопросам литературы и искусства — документ огромного значения, — сказал критик Б. Женте. — Это — новое проявление большой заботы Коммунистической партии о нас, литераторах и деятелях искусств. И мы должны ответить на эту заботу творческими делами. Споры нет, грузинским писателям есть чем гордиться. Но нам на этом совещании уместнее поговорить о недостатках. В республиканских издательствах выходит много серых, недоработанных

книг, а критики мирятся с этим, не дают настоящей оценки подобной продукции. Некоторые наши поэты утратили гражданский пафос, ушли в узкий мир личных переживаний. Раньше грузинская поэзия славилась эпическими жанрами. Сейчас этого не скажешь. Исчезли драматические поэмы и стихотворные драмы.

Ш. Дадиани и С. Шанишанили критиковали республиканские театры за плохую работу с драматургами, за увеличение переводными пьесами.

В прениях выступили также народные артисты СССР А. Хорава и А. Васадзе, секретарь Абхазского обкома КП Грузии И. Тарба, председатель правления Союза художников Грузии У. Джарларидзе, композитор А. Мачавариани, писатели А. Белашавили, К. Гамсахурдиа, М. Мрелишвили и другие.

В принятой резолюции участники совещания заверили партию и правительство в том, что работники литературы и искусства Грузии встретят славу гостиницу Октября новыми творческими достижениями.

ТБИЛИСИ (Наш спец. корр.)

На днях состоялось объединенное открытое собрание партийных организаций московских литераторов и правления Союза писателей СССР. Оно было посвящено обсуждению вопроса об укреплении связей писателей с жизнью народа.

Созванное в канун сорокалетия Великого Октября, собрание прошло при высокой активности его участников. Шел открытый и прямой разговор писателей, глубоко заинтересованных в судьбах советской литературы. Коммунисты и беспартийные литераторы единодушно отмечали, что выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа» — это новое проявление огромной заботы

партии о расцвете художественного творчества. Эти выступления вызвали у писателей горячее стремление еще активнее участвовать в общепартийной борьбе за построение коммунизма.

Доклад на собрании сделал В. Катаев. В прениях участвовали: Л. Соболев, Е. Пермитин, С. Смирнов, М. Алигер, А. Софронов, П. Соколов, Н. Астров, В. Дружин, Е. Долматовский, В. Смитин. Ниже мы публикуем краткое изложение некоторых речей.

Валентин КАТАЕВ:

Мы благодарны партии

ЕДВА ЛИШЬ Советское правительство во главе с Владимиром Ильичем Лениным перебралось из Петрограда в Москву и Москва снова стала столицей, — на это время столицы первого в мире Советского пролетарского государства, — как в нее со всех концов необойтой Родины повалили молодые писатели, в большинстве своем выходящие из рабочего класса, крестьянства и революционной интеллигенции.

Это были первые представители первой в мире советской, народной, художественной интеллигенции. Они пришли в Москву на самой гуще народной жизни: с фронта гражданской войны, из Красной Армии, с заводов и фабрик, с шахт, из сел и деревень новой, преобразованной России. Они несли с собой богатейший жизненный, революционный опыт, и в их вещевых мешках и походных сумках лежали рукописи еще подчас сырых и незрелых, но подлинно жизненных, полных пафоса совершившейся революции произведений художественной прозы, поэзии, драмы... Это было центристское движение всей революционной интеллигенции, желавшей слиться воедино с Коммунистической партией.

Это движение не было никем подсказано и не было никем подсказано избрано. Это был свободный выбор художника, велеющий его сердцу, безошибочно указывавшего единственно правильный, прямой и благородный путь молодых деятелей народного революционного искусства.

Мы знаем, что партия сразу же поддержала это движение, и по прямой инициативе Владимира Ильича началось собрание вокруг партии первой в мире советской литературы...

Так родился советская литература. У ее колыбели стояла наша славная Коммунистическая партия. Великий Ленин следил за первыми ее успехами. С тех пор на протяжении сорокалетнего существования Советской власти росла и крепла нерушимая дружба между партией и литературой.

Но литературный процесс не протек, да и не может протекать гладко. Советская литература с первых лет своего существования и до сегодняшнего дня — за все время победного движения вместе со всем народом вперед — всегда испытывала на себе множество самых разнообразных враждебных влияний, стремившихся сбить ее с прямого революционного пути. Иные из этих влияний были крайне опасны, даже зловещи...

И еще не известно, как бы сложились судьбы нашей молодой советской литературы, если бы партия не руководила ею, не руководила каждодневно, внимательно, терпеливо, твердой рукой выправляя всеческие шатавшиеся сейчас знаменательные и колебания. Вот почему все мы, советские писатели, вся советская общественность с таким глубоким удовлетворением встретили выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Наряду со всеми партийными документами по идеологическим вопросам прежних лет, выступление тов. Хрущева имеют громадное принципиальное значение. Это — руководство к действию, определяющее генеральное направление всей нашей литературы, всего нашего искусства на долгое время.

Истинное творчество — в народе. Это святая истина. Очень важно, какой средой окружает себя писатель. Писатель должен ис-

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

«Дня громкого чтения»
ВТОРОЙ ГОД выходит серия книг «Дня громкого чтения». Ныне эта серия несколько реорганизована; в нее введены антистическая и массово-политическая литература. Первой из книг массово-политического характера будет «День рождения нового мира». Это расказ о том, как проис- дил в Петрограде, Москве и других городах страны день 25 октября 1917 года.

Почти одновременно появляются воспоминания старого большевика П. Малахова «Под знаменем Советов». Автор был после Октября первым комендантом Смольного, а затем комендантом Кремля.

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ книга очерков о ленинских местах, выпущенная недавно издательством «Молодая гвардия» массовым тиражом. Автор ее М. Величино в семи очерках рассказывает о тех дорогих и близких каждому советскому человеку местах, где жил и работал Владимир Ильич. Читатель найдет в этой книге очерки об Ульяновске, о Шушенском, о ленинградских и кремлевских квартирах Ильича, о Гаринах, где он провел последние дни своей жизни.

Наряду с этим в сборнике даны очерки о Центральном музее В. И. Ленина, о Сибирском торговом пути. В восьмом очерке, заключающем книгу, изложена интересная история памятника Ильичу в небольшом немецком городе Эйслебене.

РАЗВИТИЕ революционного движения в России, о революционных событиях конца XIX и начала XX века рассказывает Мария Эссен своей книгой «Первый штурм». Активный деятель большевистской партии, участник революции 1905 года, М. Эссен неоднократно встречалась с Владимиром Ильичем Лениным, выполнила его поручения. Воспоминания об этих встречах посвящены многим страницам ее книги.

«Первый штурм» вых- одит в издательстве «Молодая гвардия» в числе произведений, выпускаемых и широколетно Советского государства. В этой серии книг появятся в ближайшее время художественно оформленные юбилейные издания романов: «Капаев» Д. Фурманова, «Одеты нам» О. Форш, «Одиночество» Н. Вирты.

На иллюстрации художница В. Коновалова и «Первому штурму».

«ПО РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОСКВЕ»

ТАКО СПРАВОЧНИК выпускает издательство «Московский рабочий». Само название определяет содержание книжки: это будет перечень районов, улиц, площадей, мостов и зданий, «биография» которых связана с историей трех русских революций и их выдающимися деятелями. В кратких справках скупо и сжато рассказаны эпизоды и факты, объясняющие происхождение названий улиц, площадей, мостов и сооружений, а также достопримечательности Москвы.

Сегодняшнему дню столицы посвящен альбом цветных фотографий, выпускаемый в ближайшее время тем же издательством. В 77 художественно выполненных фотографий запечатлены строгие очертания Кремля, красавицы набережные, высотные здания, районы московских новостроек и другие достопримечательности Москвы.

Сергей СМЕРНОВ:

Цель жизни — коммунизм

СОВСЕМ НЕДАВНО был решен вопрос о перестройке управления промышленностью и строительством. Мне кажется, назрела такая же необходимость перестройки работы и нашего Союза писателей СССР, назрела необходимость развязывания широкой инициативы на местах, повышения роли писателя, прожигавшего в Москве, писателя, выходящего далеко от столицы.

На просторах нашей необойтой республики возникли и возникают новые культурные центры. И наша задача — всеми силами способствовать расцвету таких центров культуры с тем, чтобы они стали звездами первой величины.

Скажу конкретно: пора отказаться от практики проведения только в Москве декад братских литератур, обсуждений творчества писателей областей и смотров искусства. Почему бы, к примеру, бакирским писателям не приехать к сибирякам да не угостить туда москвичей и не устроить в Сибири декаду бакир-

ской литературы и искусства? Больше таких конференций, встреч, дискуссий, споров на местах! Это и будет стиранием грани между писателями столицы и писателями, живущими вне Москвы.

Союз писателей РСФСР, на мой взгляд, предполагает не уменьшение московской армии писателей, а наоборот, полное проявление ее сил, ее ведущей роли в жизни всех литераторов РСФСР и Советского Союза. И нам пора всерьез засучить рукава и взорлить, если хотите, взорлить творчески и доказать нашей партии и народу, что значит гордое и ко многому обязывающее звание — русский советский писатель!

Я убежден, что каждый из нас, сообразно творческому наклонности, соответственно своему характеру, докажет практической работой, что мы живем и творим для советского народа, что строительство коммунизма для каждого из нас — цель жизни и что наши сердца безраздельно принадлежат партии и народу!

Очевидно, мне следует быть сейчас гораздо требовательнее к себе, освободиться от некоторой умозрительности, строго проверить свои взгляды на явления жизни своей жизнью, прямо и непосредственно сопереживая с ней, ближе, чем мне это удавалось в последние два-три года, увидеть воочию те огромные перемены, которые совершились в жизни народа, особенно после XX съезда партии, короче говоря, следовать тому, чему учат, к чему призывают выступления тов. Хрущева.

Думаю, что о тех глубоких выводах, которые я сделала для своей дальнейшей жизни, я в полной мере смогу рассказать, только полноценно работая, помня всегда, что любая работа советского писателя — это политическая работа, и выполнять ее с честью можно, только неизменно следуя партийной линии и партийной дисциплине.

Анатолий СОФРОНОВ:

КРОВОЕ ДЕЛО

ВДУМЫВАЯСЬ в выступления тов. Хрущева, приходишь к выводу, как они важны для нашей литературы, для нашего искусства. Мы должны старательно и терпеливо помогать отдельным писателям быстрее избавляться от допущенных ими ошибок. Это должно делаться все и так плохо, как это делывавший себя за последнее время журнал «Новый мир», и альманах «Литературная Москва» и журнал «Москва», опуб- бликовавший порочные произведения. Тевеные стороны в московской писательской организации появились потому, что некоторые руководители ее пошли на поводу у группы людей — носителей нездоровых настроений.

Но мы знаем, что московская писательская организация в основе своей здорова. Я думаю, что мы, литераторы столицы, поможем руководителям этой организации, рождение которой мы горячо приветствуем — Союзу писателей РСФСР создать рабочую, подлинно творческую обстановку. Это — наше кровное дело.

Вечера дружбы

НЕСКОЛЬКО дней назад отмечалось 400-летие добровольного присоединения Адыгеи и Карачаев-Черкесии к России. В связи с торжественными мероприятиями в Москве приехала большая группа писателей, артистов и участников художественной самодельности этих областей, которые примут участие в вечерах дружбы, организованных Министерством культуры Российской Федерации и Оргкомитетом Союза писателей РСФСР.

Сегодня, в пятницу, состоялся первый вечер показа литературы и искусства Адыгейской и Карачаев-Черкесской областей. Вечер открыла министр культуры РСФСР Т. Зуева. Затем выступили секретарь Адыгейского обкома КПСС А. Аулеп и зам. председателя исполкома Адыгейской автономной области А. Баучиев. А. Перевецки представил собравшимся писателей обеих областей.

С тением своих произведений выступили гости. Черкесский поэт Хусин Гашинов прочел на родном языке стихотворение «Партия, карачаевская поэтесса Халимат Байрамукова — стихотворение «Горский словоз», адыгейский поэт Кирилл Яне — стихотворение «Адыгей мой».

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А
8 октября 1957 г.
№ 121

РАДОСТЬ ЯКУТСКОГО НАРОДА

ВЕЛИКАЯ гордость и святая якутского народа — телеграмма Ленина, посланная в 1921 году:

«Раскрепощенные от царистского угнетения, освобождающиеся от кабалы тоюнов якутские трудящиеся массы пробуждаются и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся».

Вот уже более 35 лет Якутия — социалистическая республика, неотъемлемая часть великой Страны Советов.

Там, где жили оленевода, Возвели мы заводов стены, Над тайгой, где выль лишь ветер, Слышен крик заводской сирены, Видны в каждом городе нашем Мы машины из «Уралмаша», Ширь небесную покорила Самолетов советских крылья, Где мерцала скупо свеча, Лылся свет от ламп Ильича, Слышен в бышем углу глухом Сталинградских тракторов гром.

На колхозных нивах Якутии колосится пшеница и рожь, зеленеет поля кукурузы, широкие площади занимают картофель, капуста, у нас, северян, теперь сады огурлы и помидоры. Смело можно сказать, что в ближайшие годы в Якутии будет осуществлена мечта нашего русского друга, поэта Станислава Щипачева:

Еще скупа земля якута, Но он увидит край в цвету И от мороза будет кутать Босые яблоны в саду.

Много золота и ценных цветных металлов добывают на Алданах и других приисках; есть у нас слюдяная, соляная, олеяная, лесная, рыбная, угольная промышленность. Якутия доставляет Родине первостороннюю пушнину. В южной Якутии обнаружены громадные запасы железной руды с высокочистейшим углем; исключительное значение имеет открытие богатого месторождения алмазов.

Но самое главное богатство Якутии, как и во всем Советском Союзе, — это люди: якуты, русские, эвенки, чукчи и представители других национальностей, которые своими золотыми руками создают материальные блага.

А как они жили до Октября? Русский ученый В. Ф. Троцкий с болью констатировал: «Якут... его жена, его престарелые родители, его скот, его собака... живут впроголодь изо дня в день всю жизнь... и можно с уверенностью сказать, что даже мыши его юрты живут голодом, так как поживаться у хозяина нечем. Это — страна систематического голодания». Великий русский писатель, революционный демократ Н. Г. Чернышевский, отбывавший ссылку в Вилюйском остроге, писал своим родным: «Я пристроился к нищенке, очень приглосел. Но к виду этих людей я не могу быть холоден: их нищета мучит... душу».

Никогда не забудет якутский народ русских ученых, писателей, врачей и особенно русских политических ссыльных. Это они научили якутов земледелию, различным ремеслам, русские ученые помогли якутам создать письменность, обучили якутских детей в школах, приобщили к высокой культуре и, главное, будили политическое самосознание народа. В Якутии долгие годы томилась в тюрьмах и ссылки лучшие русские люди — декабристы, Чернышевский, Короленко, Петр Алексеев. В Якутии отбывали ссылку коммунисты-ленинцы, выдающиеся революционеры Урицкий, Бабушкин,

Курнатовский; Февральскую революцию в Якутии встретили ближайшие соратники Ленина — Емельян Ярославский, Сергей Орджоникидзе; первым председателем избранного народом областного руководящего органа был Г. И. Петровский.

Великий Октябрь освободил трудящихся Якутии, и ныне якутский народ с гордостью оглядывает свой путь совместной с русским народом борьбы за социализм. Этот путь поистине славный, он увенчан созданием своей государственности, приобретением и творчеством, социалистическому труду во имя великой цели.

Небывалыми темпами развивается национальная по форме, социалистическая по содержанию культура якутского народа. Литература и искусство якутского народа воспитываются на лучших идейно-художественных традициях русской литературы и искусства. Основное содержание якутской советской литературы — это прославление величия своей социалистической Отчизны, героики труда и побед свободной советского народа, идущего под мудрым руководством Коммунистической партии. Якутская советская литература — одна из самых молодых литератур нашей страны. Но тем не менее она стала за годы Советской власти самостоятельной частью великой советской литературы. Глубокое усвоение якутского устного народного творчества и вдумчивое изучение опыта русских писателей, прежде всего великого Горького, дали возможность якутскому прозаику Николаю Мордину создать свое широко известное произведение — роман «Весенняя пора». На основе лучших национально-поэтических традиций, под благотворным влиянием русской литературы выросло творчество и других якутских поэтов, прозаиков, драматургов — Платона Ойуновского, Алексея Кюндэ, Серафима Нулачинова — Эляя, Суоруна Омолочонова, Кююкка Урастырова, Николая Якутского и многих других. Широко переводятся на якутский язык бессмертные произведения классиков марксизма-ленинизма, классиков русской и мировой литературы.

325-летие вхождения Якутии в состав Российского государства — большой национальный праздник всех трудящихся республик. 325 лет рука об руку идут якуты вместе со своим старшим братом — русским народом. Нерузышные узы дружбы связывают их.

В. ПРОТОДЬЯКОНОВ
якутск

Еще скупа земля якута, Но он увидит край в цвету И от мороза будет кутать Босые яблоны в саду.

Чествование Мухтара Ауэзова

Яркий свет кинолампы как бы раздвинул стены зала, до отказа заполненного людьми. В Московском Доме ученых отмечается 60-летие выдающегося казахского писателя и общественного деятеля, действительного члена Академии наук Казахской ССР Мухтара Ауэзова.

Открывая вечер, И. Андроников поздравил юбиляра с высокой наградой — орденом Ленина. Андроников отмечает широкую популярность, которой автор «Абай» пользуется в нашей стране и за рубежом. В своем вступительном слове П. Снобиров, останавливаясь на творческой биографии писателя, говорит о том, что путь казахского народа за прошедшие столетия и путь Мухтара Ауэзова, сына казаха-качары, ставшего великим писателем и крупным ученым-литературоведом, неразрывно связаны друг с другом.

В приветствии от правления Союза писателей СССР, зачитанном В. Скрябин, отмечается: «За 40 лет активной творческой работы Мухтар Ауэзов внес огромный вклад в развитие казахской литературы и культуры. Его творчество — это вершина казахской литературы».

— Я мог бы иметь три судьбы, — сказал в ответной эвзволнованной речи Мухтар Омарханович. — Воле судьбы я мог бы стать мурлою в одной из мечетей Семипалатинска; а по воле юности учился я в сельской школе. Это моя вторая судьба. Но революция открыла мне третий путь — стал писателем. Моя мечта — написать о пражбужденной личности, мне хотелось бы воплотить в последующем творчестве.

Пятьсот телеграмм и сто приветственных адресов принесли Мухтару Омархановичу Ауэзову сердечные поздравления долгих лет жизни, счастья, неутомимой энергии и творческой деятельности.

ПУТИ ИСТОРИИ

ВЕЛИКАЯ сила слова и не отражено воздействие его разара. Фильм «Великий поворот», посвященный нарастающей мощи пролетариата, пришедшей в Октябрьской революции, волнует все сильнее и сильнее от первого до последнего кадра. Ни на мгновение не ощущаешь безразличия. Его можно смотреть многократно, и есть кадры, которые хотелось бы тут же увидеть опять.

...1913 год. Самодовольно улыбаясь, проходит на экране царь и царица России, короли и правители Европы. Какие наглые лица у королевских и некоронованных господ! Они — хозяева мира.

Вслед за пресыщенными и благодушными людьми, жаждущими войны, как средства наживы, в фильме показаны картины убогой жизни крестьян в нищей русской деревне. Почти три четверти крестьян царской России — бедняки. Их доля — голод, бесправие...

Несмотря на жестокие эксплуатацию, креп и рос русский пролетариат. На заводах Путилова, на фабрике Второва прибывали все новые массы рабочих — недавние крестьяне, покинувшие деревню. «Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просветляется и закаляется в борьбе», — писал об этом времени Ленин.

А в это время империалисты в борьбе за рынки и колонии уже готовятся начать мировую войну. И жалко, что в фильме «Великий поворот» так торопливо обрисованы события, отражающие противоречия в капиталистическом обществе, противоречия, которые привели к империалистической войне.

В недрах архивов дореволюционной кинохроники открыты замечательные кадры, относящиеся к сараевскому убийству австрийского эрцгерцога — события, явившемуся сигналом к давно подготовившейся войне, унесшей 10 миллионов человеческих жизней. Мы видим на экране не сбитые в Сараеве, видим, как хватают убийцу...

Война началась. Безмерно горе народа. Мы видим, как женщины провожают сыновей и мужей, как беженцы покидают убогие жилища и бредут по пустым полям Родины. Крестьяне и рабочие, недавно служившие обогащению капиталистов, призваны на войну, чтобы отдать и самую жизнь ради их процветания. Они гибнут на всех фронтах Европы.

Незабываемы картины морских боев и гибели кораблей, в том числе английского линкора. Все это — кадры кинохроники, снятые в те далекие тяжелые дни. И как подлинный подчас той исторической документ иногда

Кадр из фильма «Великий поворот»

действует сильнее самого талантливого домисла писателя, так и эти кадры, технически несовершенные, хранимые пострадавшей от времени пленкой, потрясают своей непрекращаемой достоверностью.

Голод и лишения все нарастают в царской России. Война обходится стране десятками миллионов рублей в день. Женщины сменили мужики за станками, стоят долгими часами в очередях за хлебом для детей...

А во дворце Романовых правит, олигархия маркобесие, пороки и полное вырождение царского строя, Распутин.

Все это время большевистская партия неутомимо ведет пропагандистскую работу и готовит массы обездоленных к социалистической революции. О том, как это было, рассказывают нам с экрана старые большевики.

На экране Елена Дмитриевна Стасова, Серафима Ильинична Гопнер, Григорий Иванович Петровский и другие, для которых в этом фильме многое — иллюстрация того, в чем они деятельно участвовали сами.

Мы видим газету «Правда» в эти великие годы кауна. Она выходила часто на средства собрываемых самими рабочими. Вот так — от станка к станку — собирались на «Правду» трудовые рабочие копейки. Царская власть не раз закрывала газету, но борьба с «Правдой» была обречена на провал, как борьба с рабочим классом, с идеями большевиков, с приближающейся революцией.

Февраль 1917 года. В Таврическом дворце заседает Государственная Дума. Истерические буржуазные дамы суетятся вокруг Керенского, — тот призывает к новому наступлению на фронте. Керенский улыбающийся, напыщенный, с букетом роз...

А в это время народ освобождает из тюрем заключенных там большевиков. Мы видим Ленина, который возвратился в Россию. На следующий после приезда день в зале Таврического дворца на собрании большевиков Владимир Ильич выступил со своим историческим «Апрельским тезисам». Не парламентария республика, а республика Советов, — провозгласил Ленин. Только она даст земю крестьянам, хлеб — голодным, мир — народу! С чувством большого исторического такта покосав в фильме «Великий поворот» первая в мире пролетарской революции — Ленин.

Вот кадры, сохранившие для истории бурные и сложные дни двоевластия. Мы видим демонстрацию Первого мая 1917 года, старую кинооператоры снимали тогда же на Марсовом поле. На всегда сохранит история картину единства народа и большевистской партии.

СОЧИНЕНИЕ

Стихов поэты с нарочитой небрежностью и грубоватостью на зывают «крем с лом». Критики — народ более деликатный — свою работу именуют «искусством». Вероятно, в этом есть резон. Не будем спорить. В конце концов овладеть можно и искусством. Ведь многие из нас рано или поздно успешно становятся дедашками, а это уж, наверняка, не так то легко. Не зря Гоголь писал с трудом искусство быть дедом.

Впрочем, я вряд ли стану литератором. Просто с детства, с тех пор, как я разобрал единственные в доме часы, меня волнует вопрос: как это сделано? В последнее время я так же настойчиво пытаюсь выяснить в чем искусство критика?

И вот мне повезло: попалась в руки изданная в Одессе книжечка В. Воробьева «Идейное содержание и художественные особенности поэмы А. Тардовского». Все в ней привлекает: солидное учено название, разбивка на главы и подглавы. Все на месте в этой книжечке: вступление и заключение, сноски и библиография и даже гриф двух весьма уважаемых организаций — Одесского государственного педагогического института иностранных языков и Областного лекционного бюро. Именно это исследование раскрыло мне тайны литературоведческого труда.

Первое, что требуется от критика (это я усвоил быстро), — обнаружить проблему и охарактеризовать ее на языке искусства. Скажем, так: «Эта проблема решается на образе Никиты Моргунка». Со следующей проблемой все идет уже как по писаному. Она «решается на образе коммуниста Фролова, тракториста Васи и других колхозников, а также на образе Никиты Моргунка». Дальше еще легче: «Третья проблема... решается на образе кулаков Бугрова и Грачевых, попа Алексия». В таком духе можно уверенно продолжать. И так, с проблемами вопрос ясен. Передем к образам, на которых решаются все эти проблемы.

Как же следует критику говорить о герое произведения? Здесь В. Воробьев мне прямо-таки раскрыл глаза. Прежде всего нужно понять (что герой обязательно «типичный представитель»). В этом все соль. Остальное — дело десятое. За тем о герое необходимо сказать: это «многогранный образ» или «собрательный». А еще лучше — и другое вместе — «многогранный собирательный образ».

Когда все важнейшие герои охарактеризованы так многогранно и собирательно, пора заняться и сюжетом. Однако и здесь не обойтись без магического. Литературоведческого слова. Это слово — «линия». Какое богатство смысловых оттенков несет этот термин у В. Воробьева! Какие поистине чудесные превращения происходит с «линией» в его книге! «Сюжетная линия изображает новых людей колхозной деревни»; «Линия сюжетная линия заняла ведущее место в поэме вполне закономерно». «В третьей сюжетной линии изображается образ самого автора поэмы». Вначале мне показалось, что линий несколько многовато, вроде как в железнодорожном справочнике. Но я решительно преодолел кощунственные мысли. И тотчас в этих куда-то устремляющихся, сливающихся, пересекавшихся линиях мне даже отобразилась своя прелесть. Я уже с удовольствием читал: «Основным героем второй сюжетной линии является народ». «А. Тардовский, увеличив обрисовку Теркина, как личности, пытался положить в основу сюжета линию индивидуализации в образе главного персонажа» и т. д. и т. п.

До того, как я познакомился с книгой В. Воробьева, о многих важных вещах у меня были совершенно превратные представления. Я, например, считал, что освоение классических традиций — дело тонкое,

ФЕЛЬЕТОП

ВТОРАЯ ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЕЙ ЛИНИИ

творческое Увы, я жестоко заблуждался. Это обычные упражнения, как, скажем, у моей дочки-второклассницы. В Воробьеве пишет об этом очень убедительно: «Только после тщательного изучения лучших творений классиков, и прежде всего поэмы Некрасова, А. Тардовский сумел овладеть художественными способами отражения действительности». Не правда ли, все чудное удивительно просто?

В серьезной литературоведческой работе обязательно присутствует проблема. Уважающий себя исследователь непременно укажет на заблуждения своих коллег, убедительно опровергнет их ошибочные утверждения. В этом отношении, как и во всех других работах В. Воробьева может служить образцом. С какой непрекращаемой логикой разбивает В. Воробьев неверные взгляды! «Нельзя согласиться», — пишет он, — с мнением тех критиков, которые утверждают, будто менялись характер Теркина, а его сознание, патристические чувства Несомненно, сознание развивалось у Теркина. Но оно как раз и оказывало плодотворное влияние на развитие его характера».

И наконец, в солданом исследовании непременно должно содержаться то, что рецензенты обычно называют ценными или свежими наблюдениями. Этому научиться, конечно, труднее всего. Но даже такой драгоценный опыт можно почерпнуть из книжки В. Воробьева, каждая страница которой радует чем-то оригинальным и интересным. Критик пишет: «Противопоставление идет не только по линии употребления отдельных слов и выражений, но и по линии интонации, построения фразы в предложении, — и просто лиду дашься, как свободно и осмелось сказать, грациозно оперирует исследователем сложнейшими понятиями. «Повестью о героических чертах советских воинов, поэмы наполняют эпическую струю поэмы мягким лиризмом». Эпическую струю наполняет мягким лиризмом! Хочется вновь и вновь повторить эти слова, они звучат, как музыка.

Но, может быть, наиболее существенно то, что исследователем, забравшись в научные выси, всегда твердо и уверенно стоит на земле. Можно смело довериться ему, он не заведет в идеалистические дебри и позвратит, если надо, из потустороннего мира на нашу грешную планету. «Образ Смerti метафоричен», — отмечает он — Тардовский «коллизировать» смерть потому, что на чувства читателя сильнее воздействует все живое, словесное, нежели мертвое, неодушевленное».

Однако хватит примеров. Даже неуклюжий читатель, вероятно, уже убедился, что книжечка В. Воробьева, действительно, образец, и пора, кончив иронизировать, прямо сказать, что она образец научной беспомощности и неграмотности.

Да, критика — это искусство. Искусство, требующее вдохновения. И не только к поэту, но и к критику можно отнести слова Пушкина:

И пальцы проснутся к перу, перо к бумаге, Минута...

Но если из-под пера в эти минуты выходит сочинение, подобное нам прочитанному, не нужно восклицать: «Остановись, мгновенье!» Нужно требовать: «Остановите автора!» И когда нельзя унять возмущенное воображение, надо немедленно возвратиться негодным рукописи. Иначе потом всем придется краснеть; и читателям, убившим время на пустое занятие, и рецензентам, положившим оценочный рукописи (пусть даже их фамилия известна только заведующему) и редактору Т. Сисковой, недоразумевшей рукой пославшей рукописи в печать.

Л. ЛАЗАРЕВ

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

МЮЛЛЕР наливает третий стакан. Андрей выливает этот стакан несколько глотками. Берет бутылку, снимает с него лоптик сала, откусывает маленький кусочек хлеба, остаток кладет на стол.

Толстый офицер, равнур рот от удивления, опершись руками о край стола, приподнимается. Невозмутно развалился в кресле высокий. Моллер очень серьезно смотрит на Андрея. Поглядывает у себя на груди два железных креста, выходит из-за стола.

— Вот что, Соколов. Ты — настоящий русский солдат. Я — тоже солдат, и уважаю до стойких противников. Стрелять я тебя не буду. К тому же сегодня наши доблестные войска вышли к Волге и целиком овладели Сталинградом. Это для нас большая радость, а потому я великодушно дарю тебе жизнь. Ступай в свой блок. А это тебе за смеливость. — Он подает Андрею со стола небольшую буханку хлеба и ломать сала.

Андрей растерялся. Он прижал хлеб к себе изо всей силы, сало держит в левой руке. Не сказав ни слова в ответ, он делает оборот налево кругом, идет к выходу. По тому, как задевает он шаг, приближаясь к двери, чувствуется, что он ожидает выстрела в спину. Моллер стоит за столом, провожает Андрея взглядом, машинально подкидывая в руке шишкетел. По выражению его лица нельзя понять, собирается ли он выстрелить. У самого порога Андрей невольно на мгновение останавливается и даже чуть поворачивает голову. Потом быстрым шагом идет дальше по коридору.

Он выходит во двор. То же звездное небо над лагерем.

Голос Соколова: — И на этот раз смерть меня прошла. Только холодом от нее потянуло...

Андрей идет по двору. Ему становится все труднее удерживать равновесие. Его бросает от стороны в сторону. Он крепко прижимает к груди хлеб и сало. Караульный, мимо которого он проходит, с удивлением смотрит ему вслед.

Вход в блок № 4. Андрей переступает порог и падает без памяти.

Вокруг лежащего на полу Андрея стоят фигуры пленных. Некоторые наклонились над ним. Кто-то зажигает спичку.

— Соколов! Живой никак? — И не побитый...

— Христос воскрес... Кто-то восторженно и завистливо знает: — Да он, ребята, пьян вдребезгу. Чиркают другую спичку. Снизу его освещено мхурое лицо цыганского склада. Этот человек спрашивает: — Это что же обозначает?.. Не продал он нас? К нему поворачивается негодующее лицо того, кто держит спичку. — Ты про него сказал! Соколова не знаешь? Андрея поднимают и укладывают на нары. Рассвет. Сосед Андрея по нарам расталкивает его. — Андрей... Андрей... Ребята ждут тебя. Пора вставать... Лицо спящего Андрея. Он лежит в постели в той комнатке, где они когда-то жили с Ириной. Ирина тихонько гладит его рукой по голове. — Пора, Андрюшка. Пора уже... — говорит она. — Похмелись поди, только больше не надо, мой милый...

Андрей встает, подходит к столу. Оглядывается на лоптику, где лежит маленький Анатолей. Ребенок чему-то улыбается, смеется, размаживает руками, пускает пузыри. На столе стоит стакан водки, лежит соленый огурец. Из стены выходит Моллер, идет к столу, берет стакан, протягивает Андрею. — Ты — настоящий русский солдат... Андрей лежит на нарах, открывает глаза. Над ним склонился сосед, тормошит рукой его волосы. — Пора. Ребята ждут. Скоро в каменоломню пойдешь. Андрей садится, опускает лицо на ладони, потом выпрямляется. Рассказывая, что было-то, — говорит тот, который зажег спичку. Андрей трет лоб. — Рассказы будут потом. Надо пожать раз такой случай выпал. — Как будем харчи делить? — дрожащим голосом спрашивает сосед по нарам. — Всем поровну, — отвечает Андрей. Откуда то появляется суровая вилка. Цыгановатый парень, свинув брови, старательно замеряет буханку и режет ее ниткой. Другой держит буханку. Хлеб режется на кусочки размером со спичечную коробку. Крошки собирают и раскладывают на нарезанные куски. Принимаются тем же порядком делить сало. Цыгановатый парень поднимает глаза. — Товарищи, может, сало ему оставим?

Литературный сценарий.

Написан с участием Ю. Лукина и Ф. Шамагонова

Андрей осматривает его жестом: — Брось. Парень режет ниткой сало.

Утро в лагере. Шеренги всех четырех блоков выстроены во дворе. Стоящие в шеренге четвертого блока переговариваются: — Чей сегодня черед на «профилактику»? — Первого блока. — Второго. — Я тебе говорю — первого. Неужто такую вещь не запомнишь? Или считать разучился, может отбил? — Тихо, братишка... Из коммандатуры выходит лагерное начальство. Но сегодня рядом с Моллером идет как-то штатский. У начальства серьезные, сосредоточенные лица. Процессия проходит мимо шеренг первого блока. — Ага! Говорил я тебе, что очередь поделит второму блоку. Видишь, первый проходит. — Как же так? — Что такое? Процессия проходит второй блок. — Приключилось что-то? И тех прошли. — Это, ребята, неспроста. — А кто это рядом с Моллером? — Тсс, вы... — А что-то они нынче вроде кислого хлебнули? — Тсс, говорят вам... Начальство останавливается посередине двора, перед шеренгами пленных. Штатский наклоняется к Моллеру, что-то говорит ему. Штатский в сопровождении Моллера идет вдоль шеренг, гычет пальцем в грудь тех, кого он выбрал. Он указывает на самых рослых, на тех, в ком еще не окончательного угасли физические силы. В их число попадает Андрей. Образует колонна человек в триста. Моллер делает знак, колонну ведут к воротам лагеря. Колонна под конвоем движется к железной дороге. В одном из рядов крайним слева идет Андрей. Вокзал, на котором встречали прибывших в лагерь В 14. На здании вокзала укреплен траурный флаг.

— Что у них такое? — негромко переговариваются в рядах колонны. — Гитлер концы отдал, что ли? К вокзалу подводит другую колонну, выстраивает ее слева от первой. Рядом с Андреем оказывается пожилой человек, светловолосый, обросший бородой, с синими ясными глазами. Он делает едва заметный знак Андрею. Андрей свивает глаза в его сторону. Не поворачивая головы, глядя вперед, бородатый говорит: — Видите траурный флаг? Передайте вашим. Сведения с воли Андрей напряженно слушает. — Это Сталинград. Их разгромили там. Андрей, тоже глядя вперед, отвечает: — Спасибо, товарищ. Бородатый снимает кулак у бедра, не поднимая руки. Щелкает: — Рот фронт! К перрону подходит состав вагонов. Пленных грузят в вагоны. Пейзаж Рура. Вечер. Пленные на шахтных работах. Конвойные наблюдают за ними Андрей нагружает углем вагонетку. Внезапно по небу начинают шарить прожекторы. Конвойный кричит: — Ахтунг! Луфт! Пальба зениток и зенитных пулеметов. В небе разныряются снаряды и огненные пунтиры тассирующихся пуль. Нарастает гул самолетов. Свист падающих бомб. Конвойные и пленные ложатся на землю. Раутся тяжелые бомбы. Грохот смолкает. Затихает гул самолетов. — Ауфштейн! — командует конвойный. Люди встают, оглядываются на большое зарево, подымающее там, где самолеты сбросили бомбы, продолжая работу.

Шахты Рура. Сквозь колючую проволоку видны пленные. По проволоке вьется цветущий выюнок. Ветер шевелит его листья, цветы и еще не зацепившиеся за проволоку отростки. У самой проволоки цветет одуванчик. Его цветок сменяется пухом. С одуванчика летит пух. Падают снежинки. Ветер раскачивает на проволоке почерневшие ушедшие плети выюнка. Проволока покрыта налетом льда. На кучах черного угля за проволокой — снег. По проволоке вьется цветущий выюнок. На обледеневшей проволоке почерневшие, увидившие плети выюнка. Во время смены кадров слышен голос Соколова: — Пробыл я в Рурской области до сорок четвертого года. К этому времени наши уже

своротили Германию скуду набок, и фашисты превратили пленными бредовать... Летний день. Вдалеке видны копы угольных шахт. Двор лагеря. Выстроены пленные. Лицом к ним стоит обер-лейтенант. Рядом с ним переводчик. Обер-лейтенант наклоняется к нему, что-то говорит. Переводчик выкрикивает: Господин обер-лейтенант фон-Эльсберг признает: кто служил в армии шофером или до войны работал шофером — шаг вперед! Некоторые пленные недоумоменно переглядываются. — Чей-то им понадобилось? — Подвох какой-нибудь... — Не похоже... Обер-лейтенант делает резкий жест. Переводчик выкрикивает: — Вы слышали? Одна пленный покаж плечам, делает шаг вперед. Оглянувшись на него, выступает вперед другой. Еще двое. Еще один. Делает шаг вперед Андрей. Обер-лейтенант подает знак конвойному. Семьро пленных, переодетых в спешков, едут за воротами лагеря. Здесь же конвойный и обер-лейтенант. Подходят грузовик. Пленных сажает в кузов. Конвойный влезает туда же. Грузовик идет по дороге. Во многих местах видны следы воздушных бомбардировок. Грузовик останавливается у переезда через железную дорогу. Проходит воинский эшелон. Везут ландшафтистов. В вагонах, на платформах едут старики, зеленые юнцы. На одной из платформ сидит старик, нагряивает на губной гармошке песенку «Гейн из вайтер!» Гейн из вайтер!... Никто его не слушает. Хмуры и безучастны лица. Нравяющиеся военные едутся, словно от озноба. Проходит поезд. Грузовик движется дальше. Грузовик везжает в Берлин. На каждом шагу видны разрушения. Над городом поднимаются клубы дыма. Недалеко — пламя бьющего пожара. — Наркий здесь слыт климат. — говорит Андрей сидящему рядом с ним человеку в такой же спешков. Грузовик идет по шоссе на Потсдам. Грузовик подвезает к мосту. Мост разрушен. Машина съезжает с асфальта, направляется в овраг.

Потсдам. Территория военных казарм. Соколова ведут в казармы. Он входит в кабинет. Останавливается у порога, опускает руки по швам, втянув голову в плечи. Конвойный рядом с ним.

(Продолжение следует)

Редакция «Литературной газеты» обратилась к зарубежным деятелям с просьбой высказать свое мнение о крупнейшем событии в науке — запуске искусственного спутника Земли.

Он нашел общий язык со всеми

В МИРЕ произошло неизмеримо большее научное событие. Для начала и навсегда наградим новорожденного пропиской буквой «С» — Спутник. Все же знают о первых семилетних шагах разговорного младенца из СССР. Но кто кого опередил, еще неизвестно — летящий ли в волшебной скорости Спутник или сказочная весть о нем?

Спутник нашел сразу общий язык со всеми. А побывал он уже всюду, и не раз. Его слышат и понимают. И мне кажется, что и различно: «Мое появление на свет послужит на благо человеку».

Я всегда верил, что все страны могут найти, при доброй воле, всемирный, взаимоприемлемый modus vivendi. Но, кроме хорошего Спутника, Земле нужен покой и мир. Не всякий мир еще дружба и любовь.

Радостно бьется сердце человека

МАЛЕНЬКИЙ шар шел далеко за пределы моего понимания Вселенной. Для меня, этнографа, это — таинство. Но таинство, освещенное разумом. Удивление, любопытство, потрясение, восторг — вот чередовавшиеся в моей душе чувства этих дней. Нужно вновь обрести себя после этого радостного озноба. Для меня сейчас ясно лишь одно — дню 4 октября суждено навсегда различить человека с его древними и ветхими представлениями о Космосе. Гордость первооткрывателей, Колумбов России, пославших свой космический корабль за 900 километров к неизведанным берегам науки, должен осознать и разделить каждый современник этого события, перед которым будут преклоняться потомки.

Браво, русский! Я полагаю, что сказать это вслух обязывает нас радость за свершенное нашим спутником на земле — Человеком из России.

ГРЕЗЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В ОТ тебе грезы и действительность! — Этими словами встретил меня сегодня мой давний друг и многолетний спутник Иржи Ганзелка, которого я навещал утром в больнице. — Я, кажется, уже здоров. Лучше всех микстур действуют на меня сигналы с «шарика».

Тут же в палате мы принимаемся изучать трассу первенца звездоплавания. Иржи чешет затылок: — Не перестрой ли нам маршрут, Мирослав? Этот восьмидесятикилограммовый толстяк, оказывается, побывал уже во всех наших пунктах. Он всем ее расскажет, нам ничего не останется.

Дона, на моем глобусе, где давно проложено путь, который мы начнем в будущем году — почти сто тысяч километров, — я начертал вчера маршрут, пройденный за эти дни спутником. Иржи прав — мы явно отстанем на нашей «Татре».

Только что мне звонили по телефону жена. Сегодня в Острове премьеры «Русалки». Наш автолесаер, водитель и кинооператор Эва Зикмундова поет партию Наташи. Я волнуясь и спрашиваю: — Как дела в театре?

— Двое наших — пожарный и гример видели его с крыши. Он совсем небольшой! — Как самочувствие русалки?

Еще пытаюсь узнать что-нибудь о премьеры, но слышу в ответ, что в Острове, как нигде в мире, удивительно хорошо дает себя рассмотреть со всех сторон наш новый знакомый. Он, оказывается, прожигается в островецком небе, как самая лучшая манекенщица на конкурсе мод в Праге.

Через полчаса я обязательно еду в Остраву слушать «Русалку», а пока хочу вам сказать, что нет, пожалуй, ни одного человека в Готвальдове, который не просил бы при слове Спутник. Как ни высоко поднялся он над миром, расстояние от него к следующему событию — межпланетному полету — кажется уже совсем близким. И если мне и моему спутнику и другу не удастся быть пассажирами этого поезда, мы знаем, что в нем обязательно прокатятся следующие Мирослав Зикмунд и Иржи Ганзелка. Так зовут наших сыновей. Моему Мирославу 2 1/2 года, а маленькому Иржи Ганзелке 2 года и 9 месяцев.

Мир слышит уже сигналы, от которых радостно бьется сердце всего человечества.

Мирослав ЗИКМУНД, чехословацкий инженер, известный путешественник

Это было в субботу вечером...

ЭТО БЫЛО в субботу вечером в Кингстоне — одном из пригородов Лондона. Трактор был битком набит шумной, веселой толпой. Вдруг на экране телевизора, установленного в углу комнаты, появилось лицо ученого Лавеллы, профессора Манчестерского университета.

Профессор начал говорить о советском спутнике Земли, и сразу же в комнате воцарилась полнейшая тишина. «Потрясающее достижение», — сказал он. В многоголосом хоре обсуждения, которое последовало за выступлением профессора, я услышал, как пожелай человек, потягивая пиво, высказал свое суждение.

«Послушайте, — проговорил он, — русские построили первую станцию для мирного использования атомной энергии. У них есть новые реактивные «лайнеры» куда лучше, чем любые самолеты, которые делаем мы или янки. А теперь они вдводем ко всему обогнали американцев, запустив первый искусственный спутник. Похоже на то, что у них — самые лучшие ученые и работают они на пользу мира».

Эти слова дают представление о том, как у нас, в Англии, встретили сообщение о советском спутнике, вращающемся вокруг Земли. Ученые потрясены не только успехами Советского Союза, оставившего американцев далеко позади, но и тем фактом, что спутник имеет значительно большие размеры, чем предполагалось. Простые люди взволнованы и восхищены. Десятки тысяч радиоприемников стараются поймать сигналы, которые слышны каждые полчаса часа, когда спутник попадает в сферу слышимости. Десятки тысяч людей настаивают бинокли, когда спутник проносится над нашим островом.

Первые отклики печати — тон задавала «Дейли экспресс», опубликовав сообщение под жирным заголовком: «Наступил век межпланетных сообщений», — почти все без исключения были преисполнены похвальных ноток.

Кеннет Гетланд, вице-президент английского Общества межпланетных сообщений — организация, которая обсуждала вопрос о межпланетных сообщениях еще в то время, когда все остальные считали эту идею безумной, заявил: «Вес этой ракеты приближает в значительно большей степени, чем мы считали возможным, тот день, когда экспериментальная ракета станет вращаться вокруг Луны».

В первый день существования спутника вечерние газеты опубликовали заявление американского контр-адмирала Ровсона Бенета, сказавшего, что «спутник — это кусок железа, который может

Позднее ооновское утро

Позднее ооновское утро этого дня не обошлось без выходящего выдающегося события, и жидкая струйка делегатского потока вливалась на алюминиевые эскалаторы еще до начала того, как очередная дискуссия началась. В «резервации прессы» — небольшом коридорном тупике, где помещаются телеграфные агентства и весь день, как обложкой металлический дождик, стучат телетайпы, — несладко обсуждались новости. В Литл-Роке, после тысячи заявлений о спокойствии, по-прежнему на грани горящей шла холодная война. — Губернатор Фобус, прочно окопавшийся на расклеванных позициях, заявил, что, быть может, ему придется «обратиться за поддержкой в ООН и попросить помощи по плану Маршалла».

Корреспонденты саркастически отмечали, что Фобусу целесообразнее было бы апеллировать к доктрине «Даллеса — Эйзенхауэра», которая больше и лучше приспособлена для ухудшения национальной свободы под видом ее защиты. Между тем снова набили негра, и парашютная дивизия несла свою фронтную службу на улицах и перекрестках города.

Просиялой шелухой в мякинном ворохе других мелких газетных сообщений затерялся отчет о речи французского делегата в ООН мсье Пинко. У него худое, заостренное, всегда озабоченное лицо, на которое в последнее время легла синеватая тень французского правительства. Корреспондент, народ знающий и в комментариях бесподобный, относится к Пинко без неприязни, а скорее юмористически, и острит, что у него нерадостная жизнь прачки, которая вынуждена сама пачкать и сама стирать двухподкладный мундир французской колониальной и европейской политики. Французский делегат куда лучше английского и американского знает, во что обожалась Франция дважды на протяжении сорока лет агрессии милитаристской Германии и оккупации, и тем не менее, по признаку с верхнего этажа западного блока, высказался за вооружение Западной Германии.

Большая Берта Крупп, по имени которой некогда была названа пушка, стрелявшая по Парижу, недавно умерла, но разве под дулом атомной пушки, которую с таким усердием помогают Аденауэру наводить французские дипломаты и политики, парижанам легче работать, служить, растить детей и пить аперитив?..

Консусишь проблемы запрещения термоядерных испытаний, французский делегат, все с тем же усталым и озабоченным лицом, пожонгировал словами, перебрал четки замусоленных обидных фраз и заявил, что Франция не согласна на какие-либо ограничения ядерного и термоядерного оружия без соглашения по другим вопросам. Все про себя отметили, что ограничения эти и так Франция не касаются — у нее атомного оружия нет, стало быть, мсье Пинко таскает из огня горячие термоядерные напашты для других. Может быть, он сообразилась зрелищем экспериментальных взрывов, которое пообещала обеспечить телеграмм ООН мистер Даллес? Кто знает, парижане любят развлечения, хотя обычно и более разборчивы.

Наконец, мсье Пинко дошел до проблемы Алжира. Мы вспоминали, до какой белизны, набивая мозоли на соответствующих местах, отмыгал он официальный французский мундир, какими бантами и лентами свободолюбия, демократелюбия, уважения к правам человека и народа украшал он его на предыдущих заседаниях и какие помой пытался целыми ушатями выплескивать на советскую политику. Мы ко многому привыкли за сорок лет, и мсье Пинко, конечно, не казался нам оригинальной творческой личностью, способной произвести в этом смысле нечто эпохальное, но свойства оборотня всегда несколько удивляют и озадачивают. Что же, в плане своего свободоболья и защиты прав народов, сказал мсье Пинко? Он заявил, что правительство Франции считает Алжир «неотъемлемой частью своей территории», короче говоря, показал надежду алжирского народа на освобождение и человеческое существование не-

инженеры задавлены, наука ханчет, сколько было пророков, предсказывавших сегодня, завтра, через неделю развал и гибель Советского государства, — и вот оно, высшее торжество таланта, творческих дерзаний, созидательных силы Советского государства!..

Взволнованный, потрясенный громадой этого события, один из работников прессы тут же ринулся по привычной дорожке литературных дискуссий: «А Дудинцев в своем романе как залез в трубу, так до конца и не смог вылезть оттуда... Каково-то

теперь его советским читателям и американским почитателям?» Но литературные комментарии тут же были превращены скептическим смением: «Слушайте, а вдруг это какой-нибудь телефончик? Были же такие американские телевизионные постановки, когда военнопленные являлись на свои пункты? Мы ринулись на улицу, за газетам, но поход особого успеха не имел, — большинство солидных газет с энтузиазмом сообщением уже было разобрано, у киосков непрерывно толпились очереди. Нью-Йоркцы на ходу читали жирные заголовки, занимающие почти все первые полосы сверху до низу: «Америка поражена — русские первыми в мире создали спутник Земли».

Мы вернулись в номер и снова сели к телевизору. После рекламы «Путь к сердцу женщины можно найти с помощью безопасных бритв «Жиллетт» была включена телевизионная студия. Комментарий подтверждал запуск спутника, холодно поздравлял советских ученых и сообщал, что американский спутник Земли будет больше и что США собираются запустить его в мае следующего года. Это была первая попытка бросить американскую тень на советский спутник — ни по научным, ни по психологическим причинам она успеха не имела.

Затем телевизионные программы начали все чаще рубиться информационными сообщениями. Через десять минут диктор сообщил, что советский спутник обрывается вокруг Земли за 1 час 36 минут и что студия включает двадцать записанные сигналы с него... И тогда над Нью-Йорком, над Америкой, от одного океана до другого, раздался голос «второй луны» и стало ясно, что великое совершено и человечество шагнуло на новую эру.

Голос этот из немиллионного пространства, прерывистый и грустноватый, словно спутники и в самом деле скучивают без коллег, через каждые пятнадцать — двадцать минут до полностью раздавался в радиоприемниках и телевизорах Америки, отбываясь кочующим замораживанием сердца, переноса в мир фантастики... Американское телевидение проявило чудеса мобильности, и «вторая луна», можно сказать, с первого же оборота врезалась во все программы телевидения, передававшиеся из театров, ресторанов, баров.

— Что вы знаете о русских? — спрашивает ведущий программу у какой-нибудь мисс или миссис.

— Ах, это те, которые запустили вторую луну!..

— О, мисс, чем вы так озабочены? Спутник не свалится вам на голову — русские не только занимаются пропагандой, они умеют делать дело...

Утром в субботу газета «Дейли Ньюс» вышла с заголовком на две трети страницы: «Красные запустили бэби-луну, обогнав США». Страницы других важнейших нью-йоркских газет также перестали огромными заголовками, рисунками Земли в облаках и спутником в воздухе, рисовать, как в готмании спутника вокруг Земли.

Случаются и забавные эпизоды.

Советский кинооператор при ООН Николай Лыткин снимает советских киноаппаратом «Контакт». Аппарат этот вызывает восхищение американских операторов и кинорепортеров, и всякий раз они выражают недоверие, когда им сообщают, что это «сделано в СССР». Сегодня утром, когда мы вышли на улицу, аппаратом заинтересовался молодой американец.

— Где сделан?

— В Советском Союзе...

— Не может быть... — А бэби-луна?

— О, да! — сразу согласился и улыбаясь американец. — Теперь ясно, что вы все можете...

Через воскресенье одна неделя перетекает в другую, но новый спутник Земли продолжает оставаться в центре внимания американцев. Говорят о нем так, словно он не обогает Землю, а непрерывно стоит в небе перед глазами каждого нью-йоркца...

Что ж, счастливого пути тебе, бэби-луна, лунно-малютка! Прекрасный подарок человечеству гений советского народа в кауну великого сорокалетия первого в мире социалистического государства!

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)

Нью-Йорк, 7 октября. (По телеграфу)